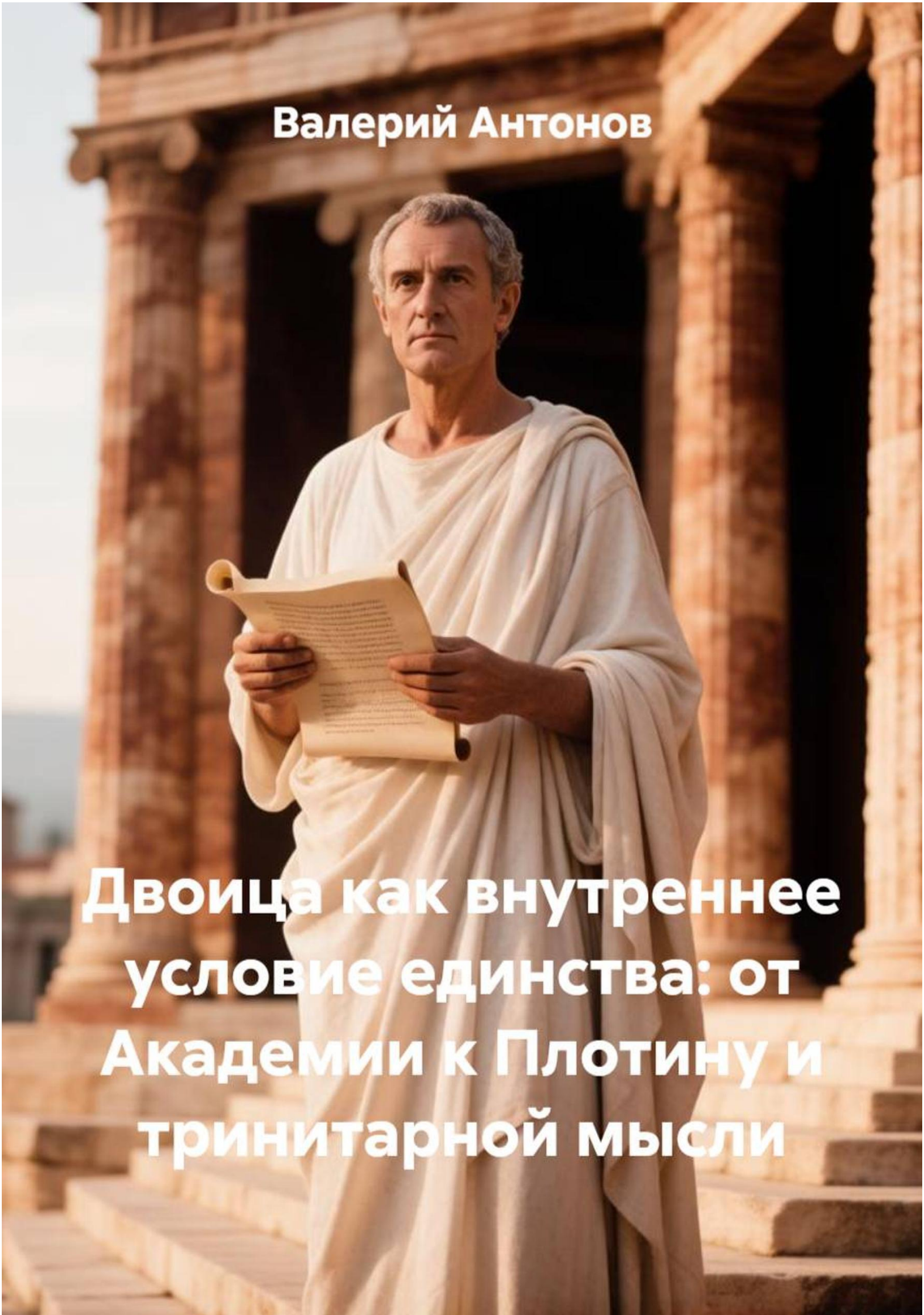
Валерий Антонов



Двоица как внутреннее условие единства: от Академии к Плотину и тринитарной мысли

Валерий Антонов

Двоица как внутреннее условие единства: от Академии к Плотину и тринитарной мысли

«Автор»
2026

Антонов В.

Двоица как внутреннее условие единства: от Академии к Плотину и тринитарной мысли / В. Антонов — «Автор», 2026

Книга исследует двоицу (δυάς) как философскую проблему: не как «второе начало» наряду с Единым, не как материю или зло, а как внутреннее условие единства — принцип, благодаря которому Единое может различаться внутри себя. Прослеживается линия от «неписаных доктрин» Платона через Спевсиппа, Ксенократа и критику Аристотеля к Плотину, у которого двоица становится «первым иным» — неопределённым стремлением, оформляемым через обращение к Единому. Отдельное приложение собрано из первоисточников: парные херувимы, пара буйволов из Arslan Tash, андрогинные и двуликие изображения, дуэльные топонимы ('Eglaim, Ephraïm, Mahanaïm) и археология двойных святилищ. Заключительная параллель — тринитарная мысль Августина и Боэция, где та же трудность «простого и множественного» решается через отношение, а не через двоицу. Книга адресована историкам философии и религиоведам.

© Антонов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Иконографические и топонимические следы двоицы. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Двоица как внутреннее условие единства: от Академии к Плотину и тринитарной мысли

Иконографические и топонимические следы двоицы.

Собранные здесь изображения и топонимы взяты **напрямую из публикаций раскопок и изданий памятников**. Они показывают одну и ту же схему: исходная форма — **пара** (два животных, два святилища, два лагеря, дуэльное имя); в неё вторгается **третий**; третий вытесняет пару, и остаётся **единое**. Следы этой схемы обнаруживаются и в Библии, и в иконографии древнего Ближнего Востока.

При этом нужно учитывать характер материала: первоисточники **не нейтральны** — каждый из них создан в определённом контексте (царский рельеф, храмовая утварь, погребальная стела). Анализировать их следует не как «доказательства» древней двоицы, а как **свидетельства устойчивости парной схемы** в разных культурах.

1. Херувимы и триада как схема вытеснения (pp. 24–27, 30, 43–48, 147–148).

Три изображения выстраиваются в смысловую последовательность:

· **Пара херувимов** (крылатые быки/тельцы) с растительным орнаментом между ними — исходная **двоица**, пара, между которой должен явиться Яхве (pp. 24–27, 30, 43–48). Дюльер отмечает, что херувимы часто предстают как тельцы или крылатые быки и лишь постепенно «очеловечиваются», сохраняя при этом части животного, рога или даже хвосты (p. 178).

· **Триада**: два крылатых существа по сторонам и центральный объект — «внедрение третьего доминирующего [начала]» (implantation d'un tiers dominateur; pp. 147–148). Это ключевой момент схемы: третий (Яхве) входит в двоицу и занимает место между её членами.

· **«Херувимы вытеснены, Единое остаётся»** (p. 38): парные фигуры исчезают, в центре — одна фигура. Это завершение схемы: третий устраняет двоицу, и остаётся единство.

Таким образом, эти три изображения — не просто «примеры древних пар», а визуальная иллюстрация трёх стадий: **двоица триада (вторжение третьего) единое (вытеснение двоицы)**. В тексте о двоице это можно использовать как параллель: философская проблема «как из двоицы возникает единство» имеет религиозно-историческую версию — не через обращение (ἐπιστροφή) двоицы к Единому, как у Плотина, а через **вытеснение** двоицы третьим началом.

К этому же ряду относится изображение двери синагоги в Суфсафе (Fig. 21; публикация будущего лорда Китченера, *PEFQS*, 1878, p. 105). Над проёмом — рельеф с двумя херувимами и растительным орнаментом. Дюльер помещает его в раздел «Survivance des images. Les deux veaux» — как позднее свидетельство того, что парная схема сохраняется в декоре святилища даже после победы единобожия. Это пример устойчивости двоичной иконографии: пара не исчезает, а «выживает» в орнаменте.

2. Идолы и «супружеская пара» как исходная двоица (Fig. 1–2)

· **Fig. 1** (идолы из Малой Азии; Contenau, *Syria*, t. VIII, 1927, pl. XLVIII): рудиментарная пара, две фигуры с головами. Такие изображения служат указанием на **примитивную форму двоицы** — ещё не оформленную, но уже парную.

· **Fig. 2** (рельеф из Телло, Шумер; Heuzey, *Catalogue des Antiquités chaldéennes du Louvre*, 1902, p. 141): «супружеская группа двух великих божеств Сирпулы». Это **половая двоица** (dyade sexuée) в оформленном виде — та самая, из которой происходит религиозное развитие.

Эти изображения не просто констатируют наличие парных божеств. Они встраиваются в **генетическую схему**: от примитивной неразличённой пары (Fig. 1) к оформленной супружеской паре (Fig. 2), а от неё — к той двоице, в которую вторгается Яхве. В этом смысле Fig. 1–2 — **предыстория** той схемы, которая далее показана в действии.

Сюда же примыкает **пара буйволов из Arslan Tash** (Fig. 25; Thureau-Dangin, Barrois, Dossin, Dunand, *Arslan Tash*, Paris: Geuthner, 1931, pl. V). На боку левого животного написано имя **Rimâni**. Эта пара обосновывает понимание Beth-Rimon (2 R. 5.18) как «храма двух буйволов»: аккадское *rimu* — «дикий бык, буйвол» (Delitzsch, *Handwörterb.*, p. 613), а перевод «гранаты» — эвфемистическая подмена, устраняющая животный смысл. Ещё один пример того, как пара животных оказывается исходной формой, а её «растительная» интерпретация — позднейшей маскировкой.

3. Андрогин и двуликая фигура как «двоица до разделения» (Fig. 3–4)

· **Fig. 3** (шумерские цилиндры; Delaporte, *Catalogue Louvre*, A. 161, pl. 73.4; A. 251, pl. 76): андрогинное божество и молящийся перед гермафродитом. Эти образы иллюстрируют **состояние двоицы до её оформления в половую пару** — или, наоборот, реликт представления о совмещённости двух начал в одном теле.

· **Fig. 4** (египетские изображения; Lanzone, *Dizionario di Mitologia egizia*, 1883, t. IV, pl. CXIX, 3; pl. XXXVI, 3): двуликая фигура и профиль с двумя лицами, смотрящими в разные стороны. Мотив **«двух лиц»** Адама (Zohar, Talmud; pp. 29, 177, 183) — визуальная формула единства, содержащего различие внутри себя: одно тело, два лица.

Эти изображения важны не сами по себе, а как **параллель к библейскому мотиву**: Адам, созданный двуликим (два лица, обращённые в противоположные стороны), затем разделённый. Иконография показывает: представление о **двоице внутри единства** не является изобретением каббалы — оно имеет древние визуальные формы.

4. Что это вносит в текст о двоице.

Если текст о двоице строится на философской линии (Платон Академия Плотин), то первоисточники добавляют альтернативную — религиозно-историческую — версию того же сюжета. Соответствия между двумя моделями можно перечислить так:

· Двоица как исходная половая пара (первоисточники) — двоица как «первое иное», неопределённое стремление (Плотин).

· Третий (Яхве) вторгается в двоицу (первоисточники) — Единое порождает двоицу без утраты простоты (Плотин).

· Третий вытесняет двоицу единое (первоисточники) — двоица обращается к Единому Ум (Плотин).

· Единство достигается устранением различия (первоисточники) — единство достигается оформлением различия (Плотин).

Это различие существенно. В первоисточниках «единое» (монотеистический Яхве) возникает через вытеснение парных божеств. У Плотина единство Ума возникает через обращение двоицы к Единому, то есть через сохранение различия в оформленном виде. Первоисточники, таким образом, полезны не как «подтверждение» плотиновской схемы, а как контрастный фон: они показывают, что проблема «двоица и единое» решалась не только философски, но и через религиозно-исторический нарратив вытеснения.

Этот нарратив имеет не только иконографический, но и филологический слой. В библейских текстах сохранились дуэльные формы (двойственное число), вытесненные или переосмысленные как имена отдельных лиц и племён. Примеры: 'Eglaim / 'Eglon («два тельца», Is. 15.8; Jos. 12.12) — прямая параллель двум тельцам Иеровоама (1 R. 12.28); Ephraïm / Ephron —

дуэль от корня со значением «рогатое животное», «пара рогатых», ставшая тотемным именем племени; Ayalon («два барана», Jos. 10.12), где Abel нашёл «каменных овец»; Mahanaïm («два лагеря», Gen. 32.1–2), где библейский текст колеблется между единственным и двойственным числом, а греческий перевод сохраняет множественное (parembolai), — след неполной коррекции монотеистического редактора. К этому добавляется археология двойных лагерей и святилищ: двойной каменный круг в Ain Minyeh (Fig. 27, PEFQS, 1892, p. 72), двойное святилище на Делосе (Fig. 28, Chapouthier, 1935, p. 43), двойные лагеря на острове Кварнеро (Fig. 29, Marchesetti, 1924), сардинские нураги с двойными оградами (Fig. 30, Taramelli, Memnon, 1908). Там, где переводчики видели «гранаты», «колокольчики» или отдельное лицо, первоисточники позволяют видеть пару — двух тельцов, двух баранов, двух буйволов, два святилища, два лагеря. Этот филологический слой усиливает общий тезис: двоица не «выдумана» философами, она вытеснена из религиозного языка, но оставила следы в топонимах и дуэльных формах.

Первоисточники фиксируют переход от половой двоицы к единобожию через вторжение третьего. Для текста о двоице они ценны как альтернативная модель отношения двоицы и единого: не обращение и оформление (Плотин), а вторжение и вытеснение (первоисточники). Это позволяет точнее очертить специфику плотиновского решения.

Двоица как «внутреннее условие» единства.

Неопределённая двоица — это не «второе начало» наряду с Единым, не «материя» и не «зло», а **принцип, благодаря которому Единое вообще может различаться внутри себя**. Главная трудность не в том, «как из одного возникает многое», а в том, **как помыслить «не-всё» внутри первого начала**. Эта трудность проходит от Академии до Шеллинга и Лосева.

Часть I. Предыстория: двоица в Академии

Введение к части

Учение Плотина о двоице как «первом ином» не возникает на пустом месте. Оно укоренено в длительной традиции академической мысли, начало которой положил сам Платон, а развитие продолжили Спевсипп, Ксенократ и — через критику — Аристотель. Без реконструкции этой предыстории невозможно понять, что именно Плотин наследует, что отвергает и что радикально переосмысливает. Центральная проблема, проходящая через всю Часть I, может быть сформулирована так: **является ли двоица этически нагруженным принципом зла или онтологическим условием различия и множественности?** Ответы на этот вопрос, данные в Академии, задают координаты, в которых будет двигаться Плотин.

Глава 1. Платон: «неписаные доктрины», «большое и малое».

1.1. Свидетельство Аристотеля как отправная точка

Аристотель в «Метафизике» A 6 и N 2–4 сообщает о «неписаных доктринах» (ἄγραφα δόγματα) Платона, в которых высшими началами являются Единое и «неопределённая двоица» (ἀόριστος δυάς), отождествляемая с «большим и малым» (τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν). Аристотель передаёт, что двоица понималась как принцип множественности и — в некоторых контекстах — как «принцип зла».

Это свидетельство — главный и наиболее надёжный источник для реконструкции платоновского учения о первых принципах. Аристотель знал академические дебаты изнутри, полемизировал с ними и передаёт их содержание с полемической, но точной детализацией. Именно поэтому его сообщения, несмотря на их критическую направленность, остаются отправной точкой для всякой реконструкции.

1.2. Проблема: двоица как зло или как условие различия?

Ключевое напряжение, которое необходимо развернуть в главе, — это двойственность в оценке двоицы.

Тезис о «зле»: Аристотель в «Метафизике» N 4 (1091b–1092a) критикует академиков, которые отождествляют материальный принцип (двоицу) со злом, но при этом признают, что он «причастен Благу» и стремится к тому, что его разрушает. Аристотель заключает, что такой принцип следует полностью исключить: если нечто есть зло, но стремится к собственному разрушению и причастно Благу, — это противоречие, а не философски состоятельное учение.

Позиция Спевсиппа как развитие Платона: Спевсипп прямо отвергал этическое толкование первых принципов. Единое не есть благо или прекрасное, поскольку оно превыше этих атрибутов; материальный принцип не есть зло только потому, что порождает множественность. Прекрасное появляется только на следующем уровне после Единого, а Благо — ещё ниже. Эта тенденция, по-видимому, восходит к самому Платону: в «Государстве» (509b) Благо «по ту сторону сущности», но оно всё же есть источник бытия и познания, а не первый принцип в строгом смысле. Двоица же у Платона не описывается как «зло» — она есть принцип беспредельного, который нуждается в пределе, чтобы стать чем-то определённым.

1.3. Двоица как онтологическое условие различия

В интерпретации Тюбингенской школы (Krämer, Gaiser) платоновская онтология строится на сочетании двух принципов: Единое налагает предел и качество, двоица производит беспредельную делимость и множественность. Результат — определённые числа, а затем — геометрические величины и чувственный космос.

Ключевой тезис главы: двоица несёт двойную функцию — она есть источник различия и множественности (без неё невозможен оформленный космос) и одновременно потенциальный источник деструкции (поскольку она — начало беспредельного и неопределённого). Именно это напряжение — «различие как условие мира и как угроза порядку» — станет центральным для всей последующей традиции.

Глава 2. Спевсипп и Ксенократ: две судьбы двоицы.

Если Платон оставил двоицу в состоянии напряжённой двойственности, то его ближайшие преемники развели её в двух противоположных направлениях.

2.1. Спевсипп: разделение Единого и Ума.

Согласно доксографическому свидетельству «Мнений философов»: «Спевсипп утверждает, что бог — это ум, однако он не то же, что единое или благо, но имеет собственную природу».

Это ключевое различие: у Спевсиппа Единое (ἕν) и Ум (νοῦς) — разные начала. Единое выше бытия и не может быть названо даже сущим; оно — принцип простоты и предельности. Ум же — демиургическое начало, творец космоса по парадигме декады.

Структура универсума у Спевсиппа (по «О пифагорейских числах»):

· Единое (выше бытия) неопределённая двоица (принцип множественности) числа геометрические величины душа чувственный космос.

· Каждый уровень имеет свою материю; уровни не связаны между собой жёсткой дедукцией.

Отношение к двоице: Спевсипп отказывается называть двоицу злом. Аргумент: если множественность принимает Единое и причастна ему, она заслуживает похвалы и не может быть источником зла. Двоица — необходимое условие для возникновения чисел, а не этически нагруженный принцип.

2.2. Ксенократ: отождествление Единого с Умом и Зевсом.

Согласно Аэцию (fr. 15): «Монада и Диада — боги. Монада — бог мужского пола, отец, царствующий на небе; он называет Монаду Зевсом, нечётным и умом, подчёркивая, что сам ум — это первый бог. Диада — женское божество, мать богов, это душа Вселенной, управляющая поднебесной областью».

Ксенократ отождествляет то, что Спевсипп разделял:

· Единое = Ум = Зевс (вышний).

· Двоица = Душа Вселенной = «мать богов».

Структура универсума у Ксенократа — трёхчастная:

· Умопостигаемое (над небом): Единое-Ум-Зевс вышний.

· Небесное (само небо): смешанная сущность, объект мнения; Аполлон (средний Зевс?).

· Подлунное: Диада-Душа, управляющая становлением; Дионис-Аид (нижний Зевс).

2.3. Центральное противоречие .

Если у Ксенократа Единое уже есть Ум, то где место для двоицы? Она становится Душой Вселенной — самодвижущимся числом, принципом движения и становления. Но тогда двоица утрачивает статус онтологического принципа множественности (как у Спевсиппа и, вероятно, у Платона) и превращается в космологическую силу, управляющую подлунным миром.

Вопрос, унаследованный Плотином: если Единое = Ум = Зевс, то Единое мыслит и, следовательно, двоится в акте мышления. Как тогда Единое может оставаться абсолютно простым? Именно этот вопрос Плотин решит радикально, постулируя Единое выше Ума и делая Ум (с его внутренней двоичностью мышления и мыслимого) первым порождением Единого.

Глава 3. Аристотель как свидетель и критик.

3.1. Аристотель как источник .

Для реконструкции «неписаных доктрин» Аристотель — главный и наиболее надёжный источник. Он знал академические дебаты изнутри, полемизировал с ними и передаёт их содержание с полемической, но точной детализацией. Без его свидетельств мы не знали бы ни о «большом и малом», ни о «неопределённой двоице» как первых принципах.

3.2. Аргументы Аристотеля против двоицы .

Аристотель отвергает двоицу как «начало множественности» по нескольким основаниям:

1. **Этическая несостоятельность**: если материальный принцип есть зло, но причастен Благу и стремится к тому, что его разрушает, — такой принцип противоречив и должен быть исключён.

2. **Отсутствие движения и жизни в первых принципах**: числа и геометрические объекты, как неподвижные сущности, не могут объяснить движение и становление.

3. **Замена парадигмы**: вместо «Единое — двоица» Аристотель вводит пару «материя — форма» и «потенция — акт». Материя у него — не «зло», а чистая возможность; форма — актуальность и цель.

3.3. Почему Аристотель — фон для Плотина.

Без аристотелевской критики непонятно, от чего именно Плотин должен «спасать» двоицу:

· Аристотель показал, что двоица как этически нагруженный принцип несостоятельна.

· Аристотель заменил двоицу парой «потенция — акт», но не решил проблему единства и множественности в самом Уме.

· Плотин должен реабилитировать двоицу в новом качестве: не как «зло», а как необходимый момент в порождении Ума из Единого. Двоица становится у Плотина «неопределённой жизнью» Ума, его внутренней разделённостью на мыслящее и мыслимое.

Ключевой тезис главы: Аристотель — не просто критик, а активный посредник. Его критика трансформировала двоицу, но не уничтожила её. Плотин унаследует проблему в аристотелевской формулировке, но решит её платонически: через возвращение к Единому как источнику, который порождает Ум без утраты своей простоты.

Заключение к Части I .

Три главы Части I задают проблемное поле, в котором будет разворачиваться мысль Плотина. Платон оставил двоицу в состоянии напряжённой двойственности: она есть условие различия и множественности, но одновременно — потенциальный источник деструкции. Спевсипп и Ксенократ развели эту двойственность в двух противоположных направлениях: первый отказался от этической нагруженности двоицы, второй превратил её в космологическую силу,

утратив её онтологический статус. Аристотель подверг двоицу радикальной критике, заменив её парой «потенция — акт», но не решил проблему единства и множественности в самом Уме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.